

УДК 821.161.1

А. В. Семенова

<https://orcid.org/0000-0003-2715-3982>

**Образ сумрачного богатыря в поэме М. М. Хераскова «Владимир»
и сказке А. С. Пушкина «Руслан и Людмила»**

Для цитирования: Семенова А. В. Образ сумрачного богатыря в поэме М. М. Хераскова «Владимир» и сказке А. С. Пушкина «Руслан и Людмила» // Мир русскоговорящих стран. 2021. №2 (8). С. 64–74. DOI 10.20323/2658-7866-2021-2-8-64-74

В статье посредством сравнительного анализа текстов поэмы «Владимир» и сказки «Руслан и Людмила» устанавливается ряд параллелей, связанных с образом богатыря Рогдая. Ранее данный аспект произведений подробно не рассматривался исследователями. Персонаж имеет условно исторический прототип – богатырь Рогдай упоминается в «Ядре российской истории» А. И. Манкиева, и лаконичная характеристика в источнике задает тип персонажа у Хераскова и Пушкина. Рогдай в обоих произведениях занимает видное положение при дворе киевского князя Владимира, отличается силой и буйным нравом. В поэме Хераскова акцентирована безнравственность персонажа, что обусловлено дидактическим посылом «Владимира» и необходимостью дискредитировать богатыря – противника христианства, Пушкин же опускает этические моменты. С развитием сюжета относительно нейтральный персонаж становится антагонистом главного героя – Владимира у Хераскова и Руслана у Пушкина – и в определенный момент вступает с ним в единоборство, следствием чего становится бесславная смерть воителя. Сопоставление «Владимира» и «Руслана и Людмилы» показывает, что, помимо имени, Рогдай в произведениях Хераскова и Пушкина имеет аналогичные характеристики, образ создается по модели былинного богатыря, омраченного отрицательными чертами. В текстах прослеживаются общие мотивы – гнев, обида и мстительность героя, тлетворное влияние злого духа и его посредников, странствие Рогдая по пустынным местам, гибель от руки противника. Сходство одноименных персонажей у Хераскова и Пушкина позволяет сделать вывод о заимствовании образа сумрачного богатыря из поэмы «Владимир» в «Руслана и Людмилу».

Ключевые слова: Рогдай, «Владимир», «Руслан и Людмила», А. С. Пушкин, М. М. Херасков, поэма.

A. V. Semenova

The image of the gloomy warrior in M. M. Kheraskov's poem “Vladimir” and in A. S. Pushkin's fairy tale “Ruslan and Lyudmila”

The article uses a comparative text analysis of the poem “Vladimir” and the fairy tale “Ruslan and Lyudmila” to reveal a number of parallels associated with the image of the warrior Rogdai. Previously, researchers have not considered this aspect of the works in detail. The character has a conventionally historical prototype – the epic hero Rogdai is mentioned in the “Core of Russian History” by A. I. Mankiev, and his laconic description in the source sets the type of character in Kheraskov’s and Pushkin’s poems. In both works Rogdai occupies a prominent position at the court of Prince Vladimir of Kiev, and is distinguished by his strength and violent temper. Kheraskov's poem emphasizes the immorality of the character, which is due to the didactic message of “Vladimir” and the need to discredit the warrior who is an opponent of Christianity, while Pushkin omits the ethical points. As the plot develops, the relatively neutral character becomes the antagonist of the main hero – Kheraskov's Vladimir and Pushkin's Ruslan – and at a certain point fights with them, which results in the warrior's dishonorable death. The comparison of “Vladimir” and “Ruslan and Lyudmila” shows that, in addition to the name, Rogdai has similar characteristics in the works of Kheraskov and Pushkin; the image is created according to the model of the epic hero, overshadowed by negative traits. The texts show common motifs - the anger, resentment and vindictiveness of the hero, the corrupting influence of the evil spirit and its helpers, Rogdai's wandering through the desert places, his death at the hands of the enemy. The similarity between Kheraskov's and Pushkin's characters of the same name leads to the conclusion that the image of the gloomy warrior from the poem “Vladimir” was borrowed into Ruslan and Lyudmila.

Key words: Rogdai, “Vladimir”, “Ruslan and Lyudmila”, A. S. Pushkin, M. M. Kheraskov, poem.

Сказочная поэма А. С. Пушкина «Руслан и Людмила» (1820) сочетает в себе эпическое и романтическое начала и зиждется на фольклорных, былинно-сказочных мотивах, оригинально обыгранных поэтом [Ахметшин, 1999; Акимова, 2011; Галиева, 2015; Райхлина, 2019]. В русской литературе у поэмы Пушкина есть «предшественницы», в частности богатырская

сказка М. М. Хераскова «Бахариана», однако возможно обнаружить и менее явное пересечение «Руслана и Людмилы» с другим известным произведением Хераскова – «Владимиром» (В первом издании (1785) – «Владимир возрожденный», начиная со второго издания – просто «Владимир» [Сахаров, 2003; Ивинский, 2018; Ивинский, 2018; Гранцева, 2012, 2013; Благой, 1955;

Западов, 1961]. Поэма цитируется по наиболее полной третьей редакции (XVIII песней), представленной в «Творениях» Хераскова (1797), цитаты в тексте даны в упрощенной орфографии) [Херасков, 1797]. В обеих поэмах появляется второстепенный персонаж – сумрачный богатырь Рогдай, чей образ при детальном рассмотрении, кажется, перекочевавшим из эпоса XVIII века в сказку.

И у Хераскова, и у Пушкина Рогдай предстает былинным богатырем, наделенным типологическими чертами: недюжинной силой, отвагой, воинственностью. Однако, как и в случае с Добрыней Никитичем и Ильей Муромцем, можно отыскать сведения о Рогдае в источниках исторических, соответственно, персонаж обеих поэм имеет условно реальный прототип. Упоминание о богатыре как сподвижнике князя Владимира содержится в «Ядре российской истории» А. И. Манкиева: «...многие милые храбрые и славные богатыри были у великаго Князя Владимира. Илия Муромец, котораго тело даже донныне в пещерах Киевских лежит нетленно, Рогдай, который на 300 неприятелей один вооружен напущал. Александр Попович, Андриян Доблянков, Добрыня и прочие» [<Манкиев>, 1770, с. 53]. Данный труд относится к числу наиболее вероятных исторических источников поэмы «Владимир», предположительно, Херасков взял краткое свидетельство о Рогдае за основу

образа героя, а Пушкин, в свою очередь, опирался на Хераскова. Об этом свидетельствуют схожие характеристики, данные Рогдаю в обеих поэмах:

*Рогдай прославился во подвиге
геройском:*

*Он в бранях управлял Владими-
ровым войском;*

*Он славою во всей подсолнечной
гремел,*

*Но качеств нравственных по-
хвальных не имел*

[Херасков, 1797, с. 176].

У Пушкина находим практически то же, но без акцента на безнравственности Рогдая – этот момент принципиально важен для Хераскова, дискредитирующего богатыря, который выступает в поэме противником христиан. Пушкин же ограничивается указанием на выдающиеся воинские качества персонажа:

*Один – Рогдай, воитель смелый,
Мечом раздвинувший пределы
Богатых киевских полей*

[Пушкин, 1950, с. 14].

В поэмах Пушкина и Хераскова Рогдай одинаково входит в ближний круг киевского князя и является прославленным воеводой. Еще одна отличительная черта героя – неукротимый нрав, заставляющий его совершать неблагоприятные поступки: у Хераскова Рогдай, будучи патриотом, все-таки идет против Владимира: намеревается использовать волшебный рог, добытый в долине

Суесвятства, чтобы отнять у князя власть; в сказке Пушкина Рогдаю уделено значительно меньше внимания, но ревнивый витязь бросается в погоню за Русланом и, не рассуждая, нападает на соперника, вместо того чтобы спасти Людмилу, то есть также, как Рогдай Хераскова, поддается гневу и противится воле князя. В поэмах Пушкина и Хераскова, таким образом, наблюдаем схожие мотивы: Рогдаем движут обида и уязвленная гордость; персонаж, изначально нейтральный, становится антагонистом главного героя. У Хераскова Рогдай оскорблен тем, что Владимир становится на сторону новообращенного христианина, ставшего отшельником, – Стенара, по сути, Рогдай уязвлен тем, что князь ставит кого-то выше него:

*Рогдаев дерзкий меч Владимир
отворачивает,*

*Он грозный бросив взгляд,
Рогдаю так вещает:*

*Преступник! Царь твой здесь,
обратно меч вложи!*

*Чем виновен пред тобой пустынный сей,
скажи?*

*Не тем ли, что познал тцету и
тленность мира?*

*Знай, рубище его почтенней, чем
порфира:*

И если б в мире сем не царством я владел,

*Я сам бы в сем лесу Стенаром
быть хотел...*

[Херасков, 1797, с. 196]

У Пушкина богатырь также не смирился с тем, что ему предпочли другого жениха:

Рогдай угрюм, молчит – ни слова...

Страшась неведомой судьбы

И мучась ревностью напрасной,

Всех больше беспокоен он,

И часто взор его ужасный

На князя мрачно устремлен

[Пушкин, 1950, с. 18].

Отрицательные, мрачные аспекты усиливаются в образе Рогдая по мере развития сюжета обеих поэм. Общим местом у Хераскова и Пушкина становится вмешательство в судьбу персонажа нечистого духа или его посредника, усугубляющего желание поквитаться с виновниками его унижения и тем самым окончательно перетягивающего Рогдая на сторону зла. Во «Владимире» представителем князя тьмы оказывается чародей Зломир, разжигающий обиду Рогдая и соблазняющий его лестью и перспективой отомстить обидчику:

*Лукавый оный волхв, который в
сердце мутном*

*Страданье ощущал в злодействе
всеминутном;*

Боялся Бога он, но Бога не любил,

*Геенной управлял, рабом геенны
был;*

*К Рогдаю ближася, вскричал: о
храбрый воин!*

*Ты славой нарецишь полных
стран достоин...*

[Херасков, 1797, с. 197]

И ниже:

*Куда идти, сказал Рогдай волхву
со гневом;*

*Стараться не хочу о благе я ца-
ревом;*

*Обидел он меня жесточе, чем
богов;*

*Когда Стенару мстит, так я
сей час готов,*

*Я мицением дышу и яростью
сгораю...*

[Херасков, 1797, с. 198]

В «Руслане и Людмиле» упоминается сам злой дух в метафорическом смысле, а его материальным «эмиссаром» частично с теми же функциями, что берет на себя Зломир Хераскова, выступает коварная чародейка Наина, которая непосредственно указывает Рогдаю дорогу к Руслану, то есть гибели:

*В глубоку думу погруженный –
Злой дух тревожил и смущал
Его тоскующую душу,*

*И витязь пасмурный шептал:
Убью!., преграды все разрушу...*

Руслан!., узнаешь ты меня...

Теперь-то девица поплачет...

И вдруг, поворотив коня,

Во весь опор назад он скачет

[Пушкин, 1950, с. 29–30].

И ниже:

*Тогда он встретил под горой
Старушечку чуть-чуть живую,
Горбатую, совсем седую.*

Она дорожною клюкой

Ему на север указала.

Ты там найдешь его, – сказала.

Рогдай весельем закипел

И к верной смерти полетел

[Пушкин, 1950, с. 31].

В обеих поэмах Рогдай отправляется в дорогу со спутниками, но позже покидает их. Кроме того, в произведениях прослеживается мотив странствия богатыря по уединенным местам. Во «Владимире» Рогдай перемещается в фантастическое пространство – Черную долину, где, оставив спутников, отправляется в храм Суесвятства:

*Густая рыцарей крылами скры-
ла тьма;*

*Поспешествует их побегу ночь
сама.*

*Четыре рыцаря последуют
Рогдаю...*

[Херасков, 1797, с. 203]

У Хераскова путешествие Рогдая описано достаточно подробно, Черная долина обрисована в красках, чего нет у Пушкина:

*Высоких цепью гор отвсюду
окруженно,*

*И зрится гор среди как в бездну
погружено;*

*Подобный облаку лежит над
ним туман,*

*Который движется как бурный
окиян.*

*Там корень заключен природы по-
врежденья;*

*Во мраке царствуют мечты и
привиденья,*

*Там бурей слышан свист, там
ветр шумит, ревет;*

Долиной Черною урочище слывет

[Херасков, 1797, с. 259].

В «Руслане и Людмиле» речь идет просто о ненаселенных краях:

*Когда Рогдай неукротимый,
Глухим предчувствием томимый,
Оставляя спутников своих,
Пустился в край уединенный
И ехал меж пустынь лесных...*
[Пушкин, 1950, с. 29]

Относительно общим мотивом у Пушкина и Хераскова является бесславная гибель Рогдая, predetermined выбором самого богатыря. В поэме Хераскова проступки Рогдая тяжелы и наказание соответствующее: он безуспешно искушает Владимира в Херсоне, пытается трубить в волшебный рог, бросается на князя (этот момент у Пушкина и Хераскова совпадает) и в итоге низвергается в ад, сраженный мечом Владимира:

*Рогдай, возрев на то, неверность доказал;
Он вретница свои во гневе растерзал;
Имея огонь в очах, покрытый мраком ночи,
Стремится пальмовой бежать в средину роуи.
Там древо твердое из корня извертев,
На кроткого Царя изшел как ярый лев,
И древом пальмовым разить Царя держает;
Но Царь исторгнув меч, Рогдаю в грудь вонзает,
Низверг врага во ад громовый сей удар;
И то исполнилось, что предвещил Стенар*
[Херасков, 1797, с. 354].

Бросившись в погоню за соперником, желая смерти Руслану, Рогдай Пушкина, как и у Хераскова, находит свою, хотя Пушкин смягчает краски, оставляя Рогдаю печальное посмертное существование и даже любовь молодой русалки. Это несколько перекликается с историей Зельяра во «Владимире», чья тень в наказание за жестокость и тщеславие обречена вечно бродить по волшебной долине, куда попадает Всеволод, и искушать путников:

*Ты догадался, мой читатель,
С кем бился доблестный Руслан:
То был кровавых битв искатель,
Рогдай, надежда киевлян,
Людмилы мрачный обожатель.
Он вдоль днепровских берегов
Искал соперника следов;
Нашел, настиг, но прежняя сила
Питомцу битвы изменила,
И Руси древний удалец
В пустыне свой нашел конец.
И слышно было, что Рогдая
Тех вод русалка молодая
На хладны перси приняла
И, жадно витязя лобзая,
На дно со смехом увлекла,
И долго после, ночью темной
Бродя близ тихих берегов,
Богатыря призрак огромный
Пугал пустынных рыбаков*
[Пушкин, 1950, с. 44].

Образ сумрачного богатыря в поэме Хераскова и сказке Пушкина создается по модели былинного

героя, но с более (у Хераскова) или менее (у Пушкина) выраженной отрицательностью. Предположительно, первоисточником образа послужило историческое сочинение А. И. Манкиева, откуда Херасков мог почерпнуть сведения о Рогдае, дополнив их затем чертами фольклорного воителя, выступающего в роли антагониста главного героя. Сопоставление «Руслана и Людмилы» с «Владимиром» показывает, что Пушкин достаточно хорошо был знаком с поэмой Хераскова и опирался на ее текст при создании образа Рогдая в своей сказке, не ограничиваясь заимствованием имени персонажа. Об этом свиде-

тельствует совпадение характеристик Рогдая у обоих поэтов, а также общность нескольких мотивов – гнев, обида и мстительность героя, тлетворное влияние злого духа и его посредников – Зломира и Наины, странствие героя по пустынным местам, закономерная гибель от руки противника, на чьей стороне правда, – непосредственно с ним связанных. Образы Рогдая, созданные Херасковым и Пушкиным, не укладываются полностью в тип былинного воителя ввиду мрачного флера, но в то же время схожи друг с другом, что позволяет говорить об аналогичном персонаже в двух поэмах.

Библиографический список

1. Акимова Т. И. Поэма А.С. Пушкина «Руслан и Людмила» и волшебносказочные поэмы к. XVIII – н. XIX века // Известия ПГПУ им. В. Г. Белинского. Гуманитарные науки. № 23. Пенза. 2011. С. 106–115.
2. Ахметшин Б. Г. Сказочные и эпические мотивы поэмы А. С. Пушкина «Руслан и Людмила» // Вестник Челябинского государственного университета. Т. 2. № 2. Челябинск, 1999. С. 60–67.
3. Благой Д. Д. Диалектика литературной преемственности // Вопросы литературы. 1962. № 2. С. 91–112.
4. Благой Д. Д. История русской литературы XVIII века. Москва : Уч. Пед. Гиз, 1955. 568 с.
5. Блок М. Н. Фольклорная традиция в прологе поэмы А.С. Пушкина «Руслан и Людмила» / М. Н. Блок, И. В. Яновская // Сб. трудов конференции «Наука и молодежь: новые идеи и решения». Волгоград, 2016. С. 71–72.
6. Воейков А. Ф. Разбор поэмы «Руслан и Людмила», сочин. Александра Пушкина. Москва : Директ-Медиа, 2012. 63 с.
7. Галиева М. А. «Руслан и Людмила» А. С. Пушкина: фольклористический комментарий. Необъяснимое в русской литературе: песнь первая // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов : Грамота, 2015. № 6 (48): в 2-х ч. Ч. 1. С. 46–50.

8. Гранцева Н. А. Незабвенный Херасков // Нева. 2013. № 11. С. 224–243.
9. Гранцева Н. А. Сказанья русского Гомера. Санкт-Петербург : Журнал «Нева», 2012. 223 с.
10. Западов А. В. Творчество Хераскова // Херасков М.М. Избранные произведения / вступ. ст., подг. текста и прим. А. В. Западова. Ленинград : Советский писатель, 1961. С. 5–56.
11. Ивинский Д. П. М. М. Херасков и русская литература XVIII – начала XIX веков. Москва : Р. Валент, 2018. 216 с.
12. Ивинский Д. П. Тургенев, Херасков, Пушкин (из комментария к повести Пунин и Бабурин) // Литературоведческий журнал. 2018. № 44. С. 41–58.
13. Коровин В. Л. К вопросу о литературных источниках поэмы Пушкина «Медный всадник» («Потоп» С. Геснера и Е. В. Херасковой) // Сб. статей конф. Болдинские чтения 2016. Нижний Новгород : Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, 2016. С. 117–140.
14. Коровин В. Л. Херасков и Милтон: «Вселенная» и «Потерянный рай» // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2016. Т. 75. №6. С. 48–54.
15. Лотман Ю. М. Пушкин: очерк творчества // Лотман Ю. М. Пушкин: Биография писателя; статьи и заметки, 1960–1990; «Евгений Онегин»: комментарий. Санкт-Петербург : Искусство СПб., 1995. С. 187–211.
16. <Манкиев А. И.> Ядро российской истории, сочиненное <...> А.Я. Хилковым. Москва : Тип. М. ун-та, 1770. 392 с.
17. Мейлах Б. С. Пушкин и русская поэзия // Б. Мейлах. Вопросы литературы и эстетики. Сборник статей. Ленинград : Советский писатель, 1958. С. 225–251.
18. Назарова Л. Н. К истории создания поэмы А. С. Пушкина «Руслан и Людмила» // Пушкин: Исследования и материалы / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. дом). Москва ; Ленинград : Изд-во АН СССР, 1956. Т. 1. С. 216–221.
19. Петрунина Н. Н. Из истории первого собрания стихотворений Пушкина // РЛ. 1990. № 3. С. 137–146.
20. Пушкин А.С. Руслан и Людмила // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: В 10 т. Т. 4 / сост. и примеч. Б. В. Томашевский, Л. Б. Модзалевский. Москва ; Ленинград : Изд-во АН СССР, 1950. С. 6–102.
21. Райхлина Е. Л. Мотивы народных сказок в поэме А. С. Пушкина «Руслан и Людмила» / Е. Л. Райхлина, Е. В. Лобанова // Вестник Рязанского государственного университета им. С. А. Есенина. 2019. № 2 (63). С. 136–145.
22. Сахаров В. И. Встреча в начале пути: молодой Пушкин и М. М. Херасков // Мир романтизма. № 8(32). 2003. С. 63–69.
23. Слонимский А. Л. Первая поэма Пушкина // Пушкин: Временник Пушкинской комиссии. Москва-Ленинград : Изд-во АН СССР, 1937. Вып. 3. С. 183–202.
24. Стенник Ю. В. Пушкин и русская литература XVIII века. Санкт-Петербург : Наука, 1995. 350 с.

25. Томашевский Б. В. Пушкин / отв. ред. В.Г. Базанов. Москва ; Ленинград : Изд-во АН СССР, 1956. Кн. 1. (1813–1824). 743 с.
26. Тынянов Ю. Н. Пушкин // Тынянов Ю. Н. Пушкин и его современники. Москва : Наука, 1969. С. 122–165.
27. Херасков М. М. Владимир, поэма эпическая // Херасков М.М. Творения, вновь [В 12 ч.]. Ч. 2. Москва : Унив. тип. у Хр. Ридигера и Хр. Клаудия, 1797. 361 с.

Reference list

1. Akimova T. I. Pojema A. S. Pushkina «Ruslan i Ljudmila» i volshebno-skazochnye pojemy k. XVIII – n. XIX veka = Pushkin's poem “Ruslan and Lyudmila” and the fairy-tale poems of the XVIII–XIX centuries // Izvestija PGPU im. V. G. Belinskogo. Gumanitarnye nauki. № 23. Penza. 2011. S. 106–115.
2. Ahmetshin B. G. Skazochnye i jepicheskie motivy pojemy A. S. Pushkina «Ruslan i Ljudmila» = Fairytale and epic motifs of Alexander Pushkin's poem “Ruslan and Lyudmila” // Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo universiteta. T. 2. № 2. Cheljabinsk, 1999. S. 60–67.
3. Blagoj D. D. Dialektika literaturnoj preemstvennosti = The dialectics of literary continuity // Voprosy literatury. 1962. № 2. S. 91–112.
4. Blagoj D. D. Istorija russkoj literatury XVIII veka. = History of XVIII century Russian literature. Moskva : Uch. Ped. Giz, 1955. 568 s.
5. Blok M. N. Fol'klornaja tradicija v prologe pojemy A.S. Pushkina «Ruslan i Ljudmila» = Folklore tradition in the prologue of Alexander Pushkin's poem “Ruslan and Lyudmila” / M. N. Blok, I. V. Janovskaja // Sb. trudov konferencii «Nauka i molodezh': novye idei i reshenija». Volgograd, 2016. S. 71–72.
6. Voejkov A. F. Razbor pojemy «Ruslan i Ljudmila», sochin. Aleksandra Pushkina. = Analysis of the poem “Ruslan and Lyudmila”, by Alexander Pushkin. Moskva : Direkt-Media, 2012. 63 s.
7. Galieva M. A. «Ruslan i Ljudmila» A. S. Pushkina: fol'kloristicheskij kommentarij. Neob#jasnimoe v russkoj literature: pesn' pervaja = “Ruslan and Lyudmila” by Alexander Pushkin: A folkloristic commentary. The inexplicable in Russian literature: Song One // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. Tambov : Gramota, 2015. № 6 (48): v 2-h ch. Ch. 1. S. 46–50.
8. Granceva N. A. Nezabvennyj Heraskov = Unforgettable Kheraskov // Neva. 2013. № 11. S. 224–243.
9. Granceva N. A. Skazan'ja russkogo Gomera = Tales of Russian Homer. Sankt-Peterburg : Zhurnal «Neva», 2012. 223 s.
10. Zapadov A. V. Tvorchestvo Heraskova = Kheraskov's work // Heraskov M. M. Izbrannye proizvedenija / vstup. st., podg. teksta i prim. A. V. Zapadova. Leningrad : Sovetskij pisatel', 1961. S. 5–56.
11. Ivinskij D. P. M. M. Heraskov i russkaja literatura XVIII – nachala XIX vekov. = M. M. Kheraskov and Russian literature of the XVIII-early XIX centuries. Moskva : R. Valent, 2018. 216 s.

12. Ivinskij D. P. Turgenev, Heraskov, Pushkin (iz kommentarija k povesti Punin i Baburin) = Turgenev, Kheraskov, Pushkin (from a commentary on the story Punin and Baburin) // Literaturovedcheskij zhurnal. 2018. № 44. S. 41–58.
13. Korovin V. L. K voprosu o literaturnyh istochnikah pojemy Pushkina «Mednyj vsadnik» («Potop» S. Gesnera i E. V. Heraskovoj) = On literary sources of Pushkin's poem “The Bronze Horseman” (“Flood” by S. Gesner and E. V. Kheraskova) // Sb. statej konf. Boldinskie chtenija 2016. Nizhnij Novgorod : Nacional'nyj issledovatel'skij Nizhegorodskij gosudarstvennyj universitet im. N. I. Lobachevskogo, 2016. S. 117–140.
14. Korovin V. L. Heraskov i Milton: «Vselennaja» i «Poterjannyj raj» = Kheraskov and Milton: “The Universe” and “Paradise Lost” // Izvestija RAN. Serija literatury i jazyka. 2016. T. 75. №6. S. 48–54.
15. Lotman Ju. M. Pushkin: ocherk tvorcestva = Pushkin: an essay on his work // Lotman Ju. M. Pushkin: Biografija pisatelja; stat'i i zametki, 1960–1990 ; «Evgenij Onegin»: kommentarij. Sankt-Peterburg : Iskustvo SPb., 1995. S. 187–211.
16. <Mankiev A. I.> Jadro rossijskoj istorii, sochinenoe = The core of Russian history, composed <...> A. Ja. Hilkovym. Moskva : Tip. M. un-ta, 1770. 392 s.
17. Mejlah B. S. Pushkin i russkaja poezija = Pushkin and Russian poetry // B. Mejlah. Voprosy literatury i jestetiki. Sbornik statej. Leningrad : Sovetskij pisatel', 1958. S. 225–251.
18. Nazarova L. N. K istorii sozdanija pojemy A. S. Pushkina «Ruslan i Ljudmila» = To the history of creating the poem “Ruslan and Lyudmila” by Alexander Pushkin // Pushkin: Issledovanija i materialy / AN SSSR. In-t rus. lit. (Pushkin. dom). Moskva ; Leningrad : Izd-vo AN SSSR, 1956. T. 1. S. 216–221.
19. Petrunina N. N. Iz istorii pervogo sobranija stihotvorenij Pushkina = From the history of Pushkin's first collection of poems // RL. 1990. № 3. S. 137–146.
20. Pushkin A. S. Ruslan i Ljudmila = Ruslan and Lyudmila // Pushkin A. S. Polnoe sobranie sochinenij: V 10 t. T. 4 / sost. I primech. B. V. Tomashevskij, L. B. Modzalevskij. Moskva ; Leningrad : Izd-vo An SSSR, 1950. S. 6–102.
21. Rajhlina E. L. Motivy narodnyh skazok v pojeme A. S. Pushkina «Ruslan i Ljudmila» = Folktales motifs in Alexander Pushkin's poem “Ruslan and Lyudmila” / E. L. Rajhlina, E. V. Lobanova // Vestnik Rjazanskogo gosudarstvennogo universiteta im. S. A. Esenina. 2019. № 2 (63). S. 136–145.
22. Saharov V. I. Vstrecha v nachale puti: molodoj Pushkin i M. M. Heraskov = Meeting at the beginning of the way: young Pushkin and M. M. Kheraskov // Mir romantizma. № 8(32). 2003. S. 63–69.
23. Slonimskij A. L. Pervaja poema Pushkina = Pushkin's first poem // Pushkin: Vremennik Pushkinskoj komissii. Moskva-Leningrad : Izd-vo AN SSSR, 1937. Vyp. 3. S. 183–202.
24. Stennik Ju. V. Pushkin i russkaja literatura XVIII veka. = Pushkin and Russian literature of the XVIII century. Sankt-Peterbrug : Nauka, 1995. 350 s.
25. Tomashevskij B. V. Pushkin = Pushkin / otv. red. V. G. Bazanov. Moskva ; Leningrad : Izd-vo AN SSSR, 1956. Kn. 1. (1813–1824). 743 s.

26. Тунжанов Ю. Н. Пушкин = Pushkin // Тунжанов Ю. Н. Пушкин и его современники. Москва : Наука, 1969. С. 122–165.

27. Герасков М. М. Владимир, поэма эпическая = Vladimir, epic poem // Герасков М. М. Творения, вновь [V 12 ch.]. Ч. 2. Москва : Univ. tip. u Hr. Ridigera i Hr. Kladija, 1797. 361 s.